

Иван Иванович Панаев

Как добры люди!

Иван Иванович Панаев (1812 — 1862) вписал яркую страницу в историю русской литературы прошлого века. Прозаик, поэт, очеркист, фельетонист, литературный и театральный критик, мемуарист, редактор, он неотделим от общественно-литературной борьбы, от бурной критической полемики 40 — 60-х годов.

В настоящую книгу вошли произведения, дающие представление о различных периодах и гранях творчества талантливого нраво- и бытописателя и сатирика, произведения, вобравшие лучшие черты Панаева-писателя: демократизм, последовательную приверженность передовым идеям, меткую направленность сатиры, наблюдательность, легкость и увлекательность изложения и живость языка. Этим творчество Панаева снискало уважение Белинского, Чернышевского, Некрасова, этим оно интересно и современному читателю.

**И. И. Панаевъ
Какъ добры люди!**

Посвящается М. А. Языкову.

*Поэтъ, не дорожи любовію народной.
А. Пушкинъ.*

Какъ я люблю огромную залу, горящую тысячами огней, которые ослѣпительно играютъ на позолотѣ и бесконечно отражаются въ неизмѣримыхъ зеркалахъ, и эти цвѣтныя гирлянды дамъ, ароматическія гирлянды, переплетенныя жемчугомъ, брилліантами и золотомъ, и этотъ бѣшенный вальсъ, такъ хорошо понятый геніемъ гостиныхъ, этимъ плѣнительнымъ Штраусомъ, танецъ соблазна и нѣги, отъ котораго замираетъ дыханіе!.. Этотъ неумолкающій говоръ, и отрывки рѣчей, и полувзгляды, и вѣчное движеніе, и странная пестрота, и фантастическое великолѣпіе — развѣ все это не поэма въ полномъ и современномъ значеніи этого слова, и развѣ она не занимательнѣе цѣлыхъ страницъ in-folio, вырванныхъ изъ громадной Иліады, развѣ не пестрѣе, не цвѣтистѣе и не понятнѣе какой-нибудь длинной сказки Шехеразады?.. Сколько любви, сколько страстей, сколько надеждъ, сколько мыслей волнуются

въ этой залѣ! А подѣ громѣ оркестра, подѣ чародѣйные звуки, подѣ гармоническѣй голо-
сѣ Россини и Моцарта, сердце сильнѣе бѣется
въ груди, страсти мятежнѣе разгораются, ярче
блещетѣ надежда, мысли какѣ-то легче на-
страиваются на поэтическѣй ладѣ и
безконечнѣе развиваются...

Мнѣ всегда казались сомнительными лю-
ди, нападающѣе на общество, люди,
злословящѣе людей. И, въ самомѣ дѣлѣ, эти
Манфреды и Лары въ короткихѣ и узкихѣ
фракахѣ, сѣ черепаховыми лорнетами на гру-
ди, проповѣдывающѣе байронизмѣ и важно
разсуждающѣе о Гѣтевомѣ "Фаустѣ", присло-
нясь къ мраморному камину, уставленному
вычурными вещами *рококо* — не должны ли
они, эти люди, казаться немного сомнитель-
ными? — Но мнѣ непрѣятна хула на людей да-
же въ устахѣ человека, не выходящаго изѣ
ограниченнаго очертанѣя своего домашняго
круга и читающаго только въ русскихѣ пере-
водахѣ повѣсти Бальзака и Зандѣ.

Я не разѣ слышалѣ рассказы о злобѣ лю-
дей, о ихѣ эгоизмѣ, мстительности и о проче-
мѣ, скрывающемся подѣ непроницаемою ли-

чиною милой свѣтской привѣтливости: эти рѣчи вырывались часто изъ сердца глубоко уязвленнаго; въ рѣчахъ была та страдальческая музыка, отъ которой нехотя наворачиваются на глазахъ слезы; и странно: при всемъ этомъ я до сихъ поръ еще такъ люблю людей и такъ простодушно вѣрю ихъ добросердечію!

Или опытъ не сжималъ меня своею желѣзною рукавицей, или я принадлежу къ числу тѣхъ *милыхъ* людей, которымъ, Богъ знаетъ почему, истина никогда не показывается лицомъ къ лицу, и которые вѣчно скользятъ по поверхности человѣчества?

Да, что ни говорите, а въ человѣкѣ мнѣ кажется все искреннимъ отъ самыхъ важныхъ дѣйствій его до самаго незначительнаго движенія. Я не могу себѣ представить злодѣя съ простодушною улыбкою, подлеца, не краснѣя говорящаго о чести, ханжу, со слезами разсуждающаго о высокомъ христіанскомъ долгѣ. Въ Тартюфѣ я никогда не могъ видѣть лицо дѣйствительное; правда, Яго, Шекспировъ Яго всегда смущалъ меня, но я гналъ прочь отъ себя образъ этого демона, это чудовищное порожденіе исполина-по-

эта. Я думалъ — и часто теперь думаю: если я не далъ повода людямъ дѣлать мнѣ зло, они, вѣрно, не сдѣлаютъ мнѣ зла... и искренно жму руку каждому, и считаю каждое привѣтствіе на это рукопожатіе искреннимъ...

Случилось (не помню, очень давно кто-то сказывалъ мнѣ) — что отъ одного слова какой-то жеищины зависѣло счастье или несчастье, спокойствіе или страданье цѣлаго семейства. Она очень хорошо знала объ этомъ, и что же? Слывя въ свѣтъ за необыкновенно *чувствительную* и *добродѣтельную*, не запинаясь, еще съ равнодушною улыбкою, произнесла слово, которымъ погубила цѣлое семейство и сдѣлалась убійцею челоуѣка. Правда ли это? Какъ смѣть поручиться, что этотъ поступокъ былъ умысленный?

Нѣтъ, это клевета на людей, самая дерзкая клевета! О, люди понимаютъ и умѣютъ сочувствовать до самоотверженія несчастію вчуже. Нужно ли слезъ — они плачутъ; нужно ли утѣшенія — они утѣшаютъ, и съ какимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, съ какою энергическою силою!.. Слово и слезы! чего же болѣе?

Они плачутъ въ театрѣ отъ кривляній актера, закалывающаго себя бумажнымъ кинжаломъ; ихъ слезы градомъ льются на чувствительныя страницы какого-нибудь романа... О, какъ же они должны сострадать истинному несчастію! Я убѣжденъ, что людямъ доступно все высокое, все прекрасное — и безграничная степь морской зыби, позлащенной вечернею зарею, и молнія, мгновенно обхватывающая пламенемъ черное небо, мгновенно озаряющая землю страшнымъ сіяньемъ послѣдняго дня, и тихій вечеръ, растворенный ароматомъ цвѣтовъ, когда вся природа роскошно отдыхаетъ, упоительно нѣжится, когда все въ дивномъ, благоговѣйномъ безмолвіи, только соловей свищетъ, трелить и заливаётся...

Ради Бога, не увѣряйте меня, что для людей мертва поэзія природы. Неправда! Они съ благоговѣйнымъ страхомъ, съ молитвою на устахъ, внемлютъ гласу Божьему въ часъ бури; они съ трепетомъ сердца, съ замираніемъ духа прислушиваются къ выстраданной гармоніи великаго поэта.

Для нихъ дорогъ онъ — избранникъ Госпо-

день, вдохновенный провидѣць грядущаго, чудодѣйственно возносящій ихъ къ небу и съ недостигаемой высоты показывающій имъ, бѣднымъ муравьямъ, на точку земли, гдѣ они суетливо и безтолково роятся! И они, въ награду за это, лелѣютъ его, устилаютъ жизненный путь его цвѣтами, хранятъ его, какъ зѣницу ока! — Я гдѣ-то читалъ: "общество убило поэта". Какая нелѣпая фраза! Эти добрые, сострадательные люди, составляющіе общество, посягнуть на жизнь своего собрата, и еще какого собрата — который доставлялъ имъ столько свѣтлыхъ, отрадныхъ минутъ въ жизни? Они вырвутъ изъ собственной діадемы единственное ея украшеніе, многоцѣнный камень, сіявшій тысячами радужныхъ переливовъ — вырвутъ и безумно втопчутъ его въ грязь?.. Это смѣшно! Можно ли составлять такія бессмысленныя фразы и такъ безжалостно позорить общество?..

Можетъ быть, точно, люди бываютъ иногда причиною гибели поэта, но это совершенно неумышленно, только по одному невѣдѣнію. И потомъ какими тяжкими страданіями, какою раздирающею горестію

выкупають они свое невинное преступленіе! Посмотрите, какъ, рыдая, они обступаютъ гробъ великаго человѣка — а вѣдь эти рыданія такъ искренни! Они готовы выплакать сердце, смотря на безмятенное чело навѣки успокоившагося страдальца. Когда терновый вѣнокъ жизни упалъ съ головы его, они украшаютъ эту священную голову лаврами. *Добрые люди!* Нто, если бы онъ, великій, возсталъ въ эту минуту и посмотрѣлъ на свою апофеозу? Не правда ли, онъ примирился бы въ лицѣ этихъ людей съ цѣлымъ человѣчествомъ, онъ обнялъ бы ихъ какъ братьевъ?

Да, несмотря ни на какія выходки ненавистниковъ человѣчества, я снова повторяю, что убѣжденъ въ добротѣ людей... И вотъ почему я люблю эти торжественныя, великолѣпныя соборища, ихъ балы и рауты, гдѣ жизнь, доведенная до высшей степени цивилизаціи, какъ искусно выграненный алмазь, блеститъ, ослѣпляя. Вотъ почему я люблю безтребовательныя, семейныя сходки, гдѣ все дышитъ патріархальною простотою, радушіемъ и этимъ христіанскимъ

спокойствіемъ — высшею мѣтою
человѣческаго счастья. О, я хочу жить съ
людьми! Чѣмъ болѣе людей вокругъ меня,
тѣмъ мнѣ легче. Я открою имъ всѣ тайные
мои помыслы, мои надежды, все, что хранит-
ся въ тайникѣ моего сердца — и они поймутъ
меня. Тогда, въ минуту скорѣби, они растол-
куютъ мое горе; въ минуту отчаянія они без-
молвно прижмутъ меня къ груди своей. Что
на свѣтѣ отраднѣе участія — мысли, что тебя
понимаютъ, что состраждутъ тебѣ?

Я непременно перестану слушать этихъ
чудаковъ, которые хотятъ во что бы то ни ста-
ло быть врагами человѣчества: я буду бѣгать
отъ нихъ и отъ ихъ темныхъ и вялыхъ
повѣстей. Несчастные! они, право, смѣшны и
жалки; ихъ должно просто оставлять въ по-
коѣ, Богъ съ ними, съ этими дюжинными
людьми!

Жаль только, когда человѣкъ съ душою
сильною и энергическою впадаетъ въ подоб-
ное заблужденіе. Съ годъ тому назадъ я
встрѣтилъ такого человѣка и слышалъ его
разсказъ. Этотъ разсказъ врѣзался въ моей
памяти; я не проронилъ изъ него ни одного

слова, и хотя онъ сильно подѣйствовалъ на меня, но все-таки не могъ поколебать мои вѣрованія. То было, какъ теперь помню, въ одинъ изъ тѣхъ скучныхъ осеннихъ вечеро-въ, когда небо сливается съ землею мгlistымъ, дождливымъ туманомъ; когда дымъ стелется по землѣ; когда сырость насквозь проникаетъ васъ; когда нѣтъ этого постепеннаго перехода отъ сумерекъ къ ночи, этого таинственнаго и отраднаго часа... Еще не было семи часовъ, а уже огни тускло мерцали сквозь туманъ во многихъ окнахъ, изъ десяти шагахъ на улицѣ нельзя было различить человека. Плащъ мой отяжелѣлъ отъ дождя; съ полей шляпы моей начинали скатываться капли; я чувствовалъ дрожь; до квартиры было далеко... Тутъ только я вспомнилъ объ одномъ моемъ коротко знакомомъ, который жилъ въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ я остановился въ раздумьи: куда бы укрыться отъ ненастья? Черезъ минуту я былъ въ теплой комнатѣ, и даже у камина, и — что еще лучше — въ обществѣ людей близкихъ мнѣ. Когда, послѣ обычныхъ разспросовъ и возгласовъ, я улегся въ уютныхъ креслахъ и подка-

тился къ камину, хозяинъ дома сказалъ кому-то:

— Ну, что жъ, продолжайте. Вотъ вамъ еще слушатель, и, предупреждаю, самый отчаянный защитникъ челоѡчества, во всѣхъ поступкахъ людей видящій одну хорошую сторону.

Я поставилъ къ стѣнѣ вычурную лопатку, которою лѣниво перевертывалъ уголья въ каминѣ, и оборотился въ сторону. Въ эту только минуту я увидѣлъ незнакомаго челоѡка, котораго совершенно не замѣтилъ при входѣ, и къ которому, вѣроятно, относились слова хозяина. Этотъ челоѡкъ сидѣлъ нѣсколько поодаль камина, въ тѣни, и курилъ сигару. Огонь, вспыхивающій по временамъ на кончикѣ этой сигары, освѣщаль черты лица его, и только при помощи этого минутнаго, красноватаго блеска да мерцанья въ каминѣ я успѣлъ составить очеркъ для портрета этого челоѡка. Ему было лѣтъ тридцать пять, можетъ быть нѣсколько побольше; смуглая кожа обтягивала сухощавое лицо его, большіе каріе глаза изрѣдка свѣтились изъ-подъ черныхъ нависшихъ бровей, безпрестанно двигавших-

ся.

Онъ ни слова не отвѣчалъ на замѣчаніе хозяина дома, будто оно не относилось къ нему; онъ, казалось, не замѣтилъ моего движенія и взгляда, только пустилъ изо рта густое облако дыма, и когда это облако разостлалось по комнатѣ, я увидѣлъ при свѣтѣ постепенно разгоравшагося камина, какъ онъ медленно приподнималъ брови, недовѣрчиво осматривалъ меня съ ногъ до головы, какъ нижняя губа его пошевелилась насмѣшливо, и потомъ, какъ онъ снова надвинулъ брови на глаза. Странно! Какое-то незнакомое мнѣ доселѣ чувство робости и сознаніе въ собственной слабости промелькнули во мнѣ въ ту минуту, когда онъ меня осматривалъ.

Всѣ молчали. Это молчаніе становилось какъ-то неловко. Я понималъ, что присутствіе этого чловѣка тяготитъ не одного меня, что онъ имѣетъ странное вліяніе на всѣхъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, при которыхъ отнимается и свобода, и веселость. Видно, этотъ господинъ принадлежалъ къ числу такихъ людей. Я снова принялся за лопаточку и началъ перевертывать уголья въ каминѣ. Нако-

нецъ хозяйимъ дома рѣшилъ прервать тягостное молчаніе.

— Видите ли, — сказалъ онъ, обращаясь къ моему незнакомцу, — какая благоговѣйная тишина распространилась между нами, и все въ ожиданіи вашего разсказа, такъ некстати прерваннаго его приходомъ.

Онъ указалъ на меня.

Я хотѣлъ пробормотать какую-нибудь извинительную фразу, но хозяинъ дома перебилъ меня и продолжалъ:

— Вы, кажется, незнакомы другъ съ другомъ, а я до сихъ поръ и не догадался познакомиться васъ. Это мой короткій пріятель Л*** — (онъ дружески потрепалъ меня по плечу) — а вотъ г. Р***, недавно воротившійся изъ чужихъ краевъ.

Мы молча поклонились, почти не смотря другъ на друга и не вставая съ кресель.

— Мой разсказъ — началъ этотъ господннъ, не обращаясь ни къ кому и окруживъ себя облакомъ дыма, — мой разсказъ — я предупреждаю васъ, господа, если вы ужъ непременно хотите его выслушать — есть только вступленіе къ одной невымышленной

повѣсти, которая давно у меня хранится. Я зналъ лично героя этой повѣсти и о странно-мъ знакомствѣ моемъ съ нимъ буду говорить вамъ теперь. Можетъ быть, рассказъ мой будетъ кстати, потому что у насъ, кажется, шла передъ этимъ рѣчь о тяжеломъ положеніи въ обществѣ поэта, или даже просто человѣка, надѣленнаго поэтической душою. Объ этомъ тысячу разъ говорили, писали и печатали. Общество въ вѣчной борьбѣ съ поэтомъ; видно, иначе и быть не можетъ: стараться примирить ихъ — значитъ не понимать ни того, ни другого. Общество никогда не возвысится до поэта, поэтъ никогда не унижится до общества. Винить тутъ никого нельзя. Вы говорите, что люди прекрасны и добры: господа, я не спорю. Убѣждать другихъ въ томъ, или другомъ мнѣ всегда казалось бесполезно и нелѣпо. Для меня довольно собственнаго убѣжденія: глупо оно или умно, вѣрно или невѣрно — это ни до кого не касается...

Я началъ кусать губы отъ досады; я было хотѣлъ вступить за людей, и составилъ въ головѣ нѣсколько краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ фразъ въ защиту общества;

но вспомнивъ, что этотъ человекъ никому не навязывалъ своего мнѣнія, я немного поуспокоился и только вздохнулъ, сожалья объ немъ.

Борьба неравная, говорилъ онъ. Разумѣется, остается побѣдителемъ въ этой борьбѣ сильнѣйшій. Общество торжествуетъ и смѣется надъ безумцемъ, который одинъ возстаетъ противъ тысячъ. И оно право. Развѣ вы не смѣетесь надъ Донъ-Кихотомъ, который торжественно мечтаетъ бороться одинъ съ цѣлыми полчищами и смѣло нападаетъ на великановъ, хотя эти великаны не что иное, какъ вѣтряныя мельницы?

Но не въ томъ дѣло. Разсужденія въ сторону! Вы ждете моего разсказа. Предупреждаю еще разъ, что этотъ разсказъ долженъ служить только вступленіемъ къ повѣсти и отдѣльно отъ ней ничего не доказываетъ.

Я уже сказалъ вамъ, что въ проѣздъ мой черезъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ германскихъ городовъ, лѣтъ десять назадъ тому, давали на тамошнемъ театрѣ Моцартова «Донъ-Жуана». Я пошелъ въ театръ. Всѣ мѣста были распроданы, исключая одной ло-

жи, которая будто нарочно для меня оставалась незанятой. Только что я успѣлъ разлечься въ этой ложѣ съ аристократической небрежностью, которая въ двадцать пять лѣтъ казалась мнѣ необходимостью; только что вооружился важнымъ видомъ записного дилетанта, какъ раздались первые аккорды увертюры... И съ первымъ звукомъ, долетѣвшимъ для меня, я позабылъ о той живописной позѣ, посредствомъ которой думалъ обратить на себя вниманіе. Музыка всегда производила на меня необыкновенное впечатлѣніе, и въ эту минуту, когда таинственные страшные звуки увертюры охватили меня, морозъ пробѣжалъ по моему тѣлу... Увертюра кончилась, раздался громъ рукоплесканій: натянутые восторги мнимыхъ музыкальныхъ фанатиковъ! Занавѣсъ поднялся. Дивная драма магически стала развертываться передо мною. Я слушалъ, слушалъ такъ, какъ будто я не имѣлъ другого чувства, кромѣ слуха... Въ половинѣ перваго дѣйствія, въ ту самую минуту, когда донна-Анна появляется на сцену съ женихомъ своимъ, именно въ ту минуту, мнѣ послышался легкій

стукъ въ дверь моей ложи. Я не хотѣлъ встать съ мѣста; этотъ стукъ мнѣ былъ досаденъ: я боялся прервать поэтическія грезы души моей. Мнѣ такъ хорошо было нѣжиться въ безпредѣльномъ пространствѣ гармоніи, такъ отрадно довѣриться волнамъ звуковъ и, по ихъ прихоти, то высоко всплывать, то, замирая, погружаться въ бездну. Но стукъ въ дверь дѣлался слышнѣе, настойчивѣе. Я наконецъ-таки принужденъ былъ встать и отворить дверь. Предо мною стоялъ какой-то высокій человѣкъ съ опущенною головою, съ изнеможеннымъ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, на которое упали въ безпорядкѣ длинныя волосы, почти закрывая глаза; худой и сторбленный, одѣтый съ самою странною небрежностью; скелеть, на котораго навѣсили платье и механически привели въ движеніе.

— Что вамъ угодно? — спросилъ я его довольно грубо.

Онъ судорожно поднялъ голову, точно испуганный, точно и внезапно пробужденный отъ сна, отвелъ отъ глазъ волосы и посмотрѣлъ на меня.

Я никогда не забуду этого взгляда, никогда не забуду выраженія этихъ глазъ, полныхъ жизни. Они вотъ и сію минуту предо мною, страдальчески-прекрасные! Сколько было огня въ этихъ глазахъ! И какъ ихъ блескъ не гармонировалъ съ мертвенностью цѣлой фигуры, и какъ ихъ живость странна была на безжизненно-неподвижномъ лицѣ! Представьте себѣ два большіе огнецвѣтные брилліанта, вставленные въ глазныя ямки черепа — и вы будете имѣть нѣсколько приблизительное понятіе о головѣ этого человѣка...

Такъ онъ посмотрѣлъ на меня, задумался, будто вспоминая о томъ, что хотѣлъ сказать мнѣ, и вдругъ судорожно схватилъ мою руку и проговорилъ почти шопотомъ, несвязно:

— "Я никогда еще не пропускалъ до сего дняшняго дня ни одного представленія «Донъ-Жуана», никогда... А сегодня меня задержали дѣла... Я опоздалъ... Всѣ мѣста заняты, ни одного мѣста... Вы одни въ ложѣ. О, ради Бога, пустите меня въ вашу ложу!.. Я не помѣшаю вамъ, я не пошевелюсь съ мѣста... Только бы слышать эти божественные звуки, только бы... Умоляю васъ..."

И онъ боязливо осмотрѣлся кругомъ, ожидая моего отвѣта...

Я молча пожалуй ему руку и ввель его въ ложу.

Онъ шелъ на цыпочкахъ, едва переводя духъ, опустился на стулъ безъ малѣйшаго шороха, внимательно посмотрѣлъ на сцѣю, закрылъ руками лицо и долго оставался въ такомъ положеніи...

Я взглянулъ на него: онъ не шевелился, только грудь его волновалась часто и сильно.

Первый актъ кончился; занавѣсъ упалъ; звуки смолкли. Тогда онъ опустилъ руки на колѣни, приподнялъ голову, оглянулся назадъ, не замѣчая меня, съ недоумѣніемъ будто спрашивалъ у самого себя: какимъ образомъ попалъ я въ эту ложу? Но когда вдругъ глаза его встрѣтились съ моими глазами, онъ вздрогнулъ.

— "Ахъ, это вы... Какъ я вамъ благодаренъ!" сказалъ онъ мнѣ, неловко двигаясь на стулъ и поспѣшно застегивая верхнія пуговицы своего сюртука. "Да, вы не знаете, какое одолженіе вы мнѣ сдѣлали. Вѣдь я только тогда и живу, когда слышу эти звуки; только въ

такія минуты я и бываю счастливъ, но зато безмѣрно счастливъ! Знаете ли, что подъ эти вдохновенные звуки мысль моя растеть, растеть, вытягивается въ безконечность, расширяется... а это такое отрадное чувство!.. Я забываю все, я чувствую себя свободнымъ. Понимаете ли вы — свободнымъ! Не правда ли, что безъ этого чувства не можетъ быть полного счастья?.. И я нѣсколько дней буду жить этой гармоніей; эти звуки нѣсколько дней будутъ раздаваться въ ушахъ моихъ; я нѣсколько дней буду счастливъ! Иногда — вотъ хоть бы, на примѣръ, теперь — мнѣ такъ пріятно, что я готовъ плакать!"

И точно слезы дрожали на его длинныхъ рѣсницахъ. Онъ замолчалъ и отвернулся отъ меня; потомъ минуты черезъ двѣ наклонился къ моему уху:

— "Вы позволите мнѣ остаться до конца. Я не мѣшаю вамъ — не правда ли?"

— Я очень радъ, что имѣлъ случай доставить вамъ удовольствіе. Пожалуйста, будьте какъ въ своей ложѣ, — отвѣчалъ я скороговоркою.

Онъ не отозвался на эти слова, точно не

слыхалъ ихъ; снова опустилъ голову и закрылъ руками лицо...

Съ этой минуты, до самаго окончанія спектакля, онъ уже не говорилъ со мною ни слова.

Когда спектакль кончился, онъ обратился ко мнѣ, крѣпко пожалъ мнѣ руку и хотѣлъ выйти изъ ложи.

Я остановилъ его. Въ этомъ человѣкѣ все было такъ необыкновенно, такъ не по-нашему, не по вседневному, что я непременно хотѣлъ узнать его покороче.

— Случай такъ неожиданно и такъ пріятно доставилъ мнѣ ваше знакомство, — началъ я. — Позвольте же мнѣ воспользоваться имъ, позвольте сблизиться съ вами...

Онъ посмотрѣлъ на меня недовѣрчиво.

— Я иностранецъ, я здѣсь проѣздомъ, и никого не знаю. Ваше знакомство...

— "Мое знакомство? — перебилъ онъ съ необыкновенно-грустною ироніей: — мое знакомство? Для чего вамъ оно? Я не могу принести вамъ никакой пользы, никакой, и ни въ какомъ отношеніи..."

— Но я просто хочу быть знакомымъ съ вами, безъ всякихъ видовъ. Одна ваша

страсть къ музыкѣ заставила бы меня преслѣдовать васъ повсюду, сблизиться съ вами во что бы то ни стало.

Я думалъ произвсети на него впечатлѣніе этими словами, и не ошибся... Глаза его вдругь просвѣтлѣли.

— "О, такъ вы любите музыку — вы понимаете ее, — вы чувствуете ее?.. — И онъ схватилъ мою руку, и держалъ ее долго, не выпуская... — У васъ вырывались иногда слезы, слезы восторга; по васъ пробѣгалъ иногда холодъ, смертный холодъ отъ одного какого-нибудь дивнаго звука или слова? Идея искусства не чужда вамъ? Вы благоговѣете передъ его святымъ значеніемъ? — Да! — Вы не принадлежите къ этой черни, которая ходитъ въ театрѣ единственно для того, чтобы вызвать такую-то актрису, или ошибать такого-то актера; вы не принадлежите къ этимъ аристократамъ, которые заѣзжаютъ въ театрѣ передъ баломъ, такъ, на минуту, потому что это у нихъ принято? Вы иностранецъ? Можетъ быть, у васъ нѣтъ этихъ смѣшныхъ обычаевъ? — Вы пришли сюда только изъ одной чистой, святой любви къ искусству, безъ всякихъ сто-

роннихъ цѣлей — мучиться, страдать, радоваться, плакать, смѣяться подѣ эти звуки небесной гармоніи, подѣ эти адскіе звуки? — Этотъ Моцартъ — ангелъ и демонъ вмѣстѣ? Не правда ли?"

Онъ взялъ меня подѣ руку и быстро увлекъ изъ ложи.

Мы переходили изъ одной улицы въ другую, безпрестанно сворачивая то направо, то налево. Чудно хороши были при лунѣ эти мрачно-величественныя зданія готической архитектуры. Волшебнo блуждалъ лунный свѣтъ по этимъ витымъ столбамъ, по этимъ стрѣльчатымъ сводамъ и аркадамъ; чудно посеребрялъ онъ верхи этихъ легкихъ башенокъ. эту мелкую и узорчатую рѣзьбу украшеній готическихъ... Увлеченные разговоромъ, вдругъ мы остановились подѣ тѣнью массивнаго, великолѣпнаго портала церкви. Онъ положилъ мнѣ на плечо свою длинную, костлявую руку, и произнесъ съ нѣкоторою торжественностью, которая во всякомъ другомъ случаѣ, можетъ быть, показалась бы мнѣ смѣшною:

— "Лучъ благодати Господней озаряетъ

міръ души вашей. Благодарите Его за это, молитесь Ему, да включитъ Онъ васъ въ число своихъ избранниковъ. Вы счастливецъ — но счастливецъ не по-здѣшнему! На землѣ вамъ нѣтъ и не будетъ счастья. Несите безъ ропота крестъ вашъ, умѣйте приготовить себя къ страданіямъ, и потомъ умѣйте страдать. Обо мнѣ вы вѣрно когда-нибудь да вспомните!.."

Могу васъ увѣрить, господа, что мнѣ несколько не хотѣлось смѣяться въ эту минуту. У меня замеръ духъ отъ этихъ пророческихъ словъ; да — потому что эти слова были произнесены голосомъ, который не много разъ въ жизни удается слышать; голосомъ, исходящимъ изъ глубины души, размученной страданіями. Въ этомъ голосѣ звучали страшно-болѣзненные ноты и вырывался вопль, задушаемый гордымъ усиліемъ не обнаруживать боли.

Онъ не ошибся, этотъ странный челоуѣкъ, этотъ бѣдный страдалецъ, котораго люди называли сумасшедшимъ; онъ не ошибся! Не одинъ разъ я вспоминалъ о немъ — вѣрно до послѣднихъ минутъ моей жизни не забуду его...

Нѣтъ, не забуду: потому что я не встрѣчалъ и вѣрно не встрѣчу другого человѣка съ такою младенчески-чистою душою; съ такою мгновенною воспріемлемостью всего высокаго, всего прекраснаго; съ такимъ свѣтлымъ умомъ, доходившимъ иногда до поэтическаго прозрѣнія. Въ немъ было все гармонія. Даже и эта общая всѣмъ германцамъ, для многихъ смѣшная склонность къ символическому — удивительно шла къ нему... Не такъ знали его другіе. Дико смотрѣли люди на этого человѣка съ безобразными, порывистыми движеніями, съ включенными волосами, не умѣвшаго ни ходить ровнымъ размѣреннымъ шагомъ, ни смягчать, ни охоложать своего голоса, ни даже казаться пристойно-спокойнымъ и равнодушнымъ.

Я располагалъ остаться не долѣе недѣли въ ***, но пробылъ тамъ около четырехъ мѣсяцевъ. Эти четыре мѣсяца останутся для меня самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ въ жизни. Исключая двухъ или трехъ вечеровъ, проведенныхъ мною въ гостиныхъ, слѣдовательно безтолково потерянныхъ, я каждый вечеръ былъ наединѣ съ нимъ, съ

этимъ чудакомъ, съ которымъ такъ необыкновенно сошелся въ оперѣ. Его бесѣда постепенно дѣлалась для меня необходимою; безъ него мнѣ недоставало чего-то. Мысли и замѣтки его я вносилъ въ мой дневникъ и безпрестанно перечитывалъ ихъ; надъ этими отрывками можно призадуматься: много матеріаловъ хранятъ они для изслѣдованій психологическихъ!..

Никогда онъ не рассказывалъ мнѣ подробно о своей жизни: несмотря на полную довѣренность ко мнѣ, онъ почему-то избѣгалъ такой откровенности. Жизнь этого загадочнаго существа была полна страданій: это я тотчасъ прочелъ на лицѣ его; но исторія этихъ страданій была долго для меня тайною.

Однажды онъ нечаянно полураскрылъ передо мною тяжкія раны, нанесенныя ему людьми — и я не радъ былъ этому: дотрагиваясь до этихъ ранъ, онъ, бѣдный, изнемогалъ отъ боли.

Это случилось наканунѣ моего отъѣзда. Онъ говорилъ много и долго; я слушалъ и заслушался его. Вдругъ, и въ самомъ жару разговора, онъ замолчалъ и задумался;

нѣсколько минутъ, молча, большими шагами ходилъ по комнатѣ и наконецъ остановился передо мною.

— "Знаешь ли, — сказалъ онъ съ невыносимою грустью — знаешь ли, что процессъ разрушенія уже начался во мнѣ?.. Я чувствую, страшно чувствую, какъ силы мои слабѣютъ. Обновленіе невозможно, нѣтъ! Я умру, не докончивъ моего созданія, не развивъ моей мысли... Боже мой! если бы ты поддержалъ меня, слабѣющаго, только для того, чтобы докончить это созданіе — а потомъ умереть, пожалуй умереть въ ту же минуту!.."

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Стройно, послѣдовательно излагалъ онъ мнѣ передъ этимъ свои мысли, и я жадно слушалъ его... Но это внезапное молчаніе, но эти отрывистыя рѣчи, не имѣвшія никакой связи съ предшествовавшимъ... Я не зналъ, что подумать...

Онъ тотчасъ замѣтилъ мое недоумѣніе.

— "До сихъ поръ я тебѣ ничего не говорилъ о томъ, что пишу я. Мысль этого созданія давно заронила въ душу; я только ждалъ минуты, въ которую долженъ былъ начать

его, мучительно ждалъ. Наконецъ она наступила, эта минута — и вотъ я забылъ все прошедшее, вообрази — совершенно забылъ! Я простилъ людямъ зло, которое они мнѣ сдѣлали; я совершенно примирился съ ними, потому что я пересталъ жить въ ихъ мірѣ. Я создалъ для себя другой міръ — и жилъ въ немъ, и онъ роскошно развивался передо мною, и я блаженствовалъ! Но эти люди, которые мнѣ сдѣлали зло и которымъ простилъ я, не хотѣли оставить меня въ покоѣ; они вывели меня изъ моего отраднаго, свѣтлаго міра, и опять ввели въ свой грязный міръ. О, за что же они меня такъ преслѣдуютъ? Съ тѣхъ поръ силы мои слабѣютъ, я непримѣтно таю; а оно не кончено — не кончено мое созданіе! Тебѣ только я открылъ эту страшную тайну. Слышишь ли? только тебѣ одному! Умоляю тебя, не измѣни мнѣ", — прошепталъ онъ, наклоняясь ко мнѣ, — "не говори никому объ этомъ. Я и тебѣ не скажу, что я пишу; нѣтъ, я не прочту тебѣ ни одной строчки... Однако, если смерть помедлитъ немного, если я еще успѣю докончить... то ты прочтешь, когда меня не будетъ! — У меня есть

въ виду челоѡкъъ, которому я поручу издать мое бѣдное твореніе послѣ моей смерти... Хочу что-нибудь послѣ себя оставить, хочу непременно жить въ памяти этихъ людей, которые дѣлали мнѣ зло: можетъ быть ихъ тронетъ мое созданіе, потому что въ немъ отразилась вся внутренняя жизнь моя, и они пожалѣютъ обо мнѣ; можетъ быть они выжмутъ изъ своего сердца слезу раскаянія — и эта слеза скатится на мою книгу"...

Онъ опять началъ прохаживаться по комнатѣ, потомъ сѣлъ на диванъ, далеко отъ меня, и на минуту забылся. Дыханіе его было тяжело и неровно. Я не могъ не страдать, глядя на страданія этого челоѡка.

— "Но правда ли, вѣдь это можетъ случиться? — простоналъ онъ едва слышно, будто пробуждаясь, и обводя комнату блуждающими глазами. — Какъ ты думаешь? Можетъ? Или это только мнѣ представляется въ лихорадочномъ бреду? Людямъ нескойственно раскаяніе? Они ругаются и надъ трупомъ челоѡка, котораго преслѣдовали при жизни? Они нарушаютъ даже и его могильное спокойствіе — этотъ святой сонъ, дарован-

ный ему милосердіемъ Господа?.."

Лицо его повело судорогой. Онъ прыгнулъ ко мнѣ въ порывѣ бѣшеннаго отчаянія, точно перекинутый сверхъестественною силою, прижался къ моему плечу, будто въ испугѣ, и пролепеталъ, замирая:

— "Понимаешь ли ты меня? Я не сумасшедшій, клянусь тебѣ, я не сумасшедшій!"

Голова его скатилась къ колѣнямъ, онъ зарыдалъ безъ слезъ. Холодный потъ облилъ меня.

Рыданія его скоро смолкли, голова приподнялась, но такъ ослабѣла, что онъ долженъ былъ поддерживать ее рукою; слезы катились по мертвой кожѣ, обтягивавшей остовъ лица его.

Эти слезы облегчили его; онъ заговорилъ голосомъ болѣе твердымъ.

— "Я не сумасшедшій, но иногда — повѣришь ли? — желалъ бы думать, что сумасшедшій, что все видѣнное и слышанное мною не было въ самомъ дѣлѣ, а такъ представлялось мнѣ, только въ бреду безумія!.. Я имѣлъ мать, которая не научила меня ува-

жать другихъ матерей; я имѣлъ друга, который оттолкнулъ меня отъ людей и заставилъ сомнѣваться въ каждомъ человѣкѣ; я любилъ дѣвушку, единственное существо, примирявшее меня съ жизнью, чистое, святое существо; но люди оторвали ее отъ меня, разлучили меня съ нею. Съ тѣхъ поръ страшное недоверіе ко всѣмъ и ко всему овладѣло мною. Когда сижу одинъ, запершись въ своей комнатѣ, я безпрестанно озираюсь кругомъ: не притаился ли кто-нибудь, чтобы подсматривать за мною? когда начинаю говорить, я всегда оглядываюсь назадъ: не подслушиваетъ ли кто-нибудь меня? когда заговариваютъ со мною, мнѣ прежде всего приходитъ въ голову: не подосланный ли это, чтобы вывѣдать мои мысли? Послѣ мнѣ самому становится смѣшно, когда вспомню, что у меня нѣтъ ни матери, ни друга, никого. Я одинъ — совершенно одинъ! Родные — они меня не понимаютъ!.. Я долженъ быть теперь смѣшонъ, страненъ; но вѣдь они же — эти люди, которые смѣются надо мною — они сдѣлали меня такимъ смѣшнымъ и страннымъ! Я не всегда былъ таковъ! Впрочемъ у меня еще осталось

кое-что отъ прежняго. Чувство симпатіи пробудилось во мнѣ, когда я увидѣлъ тебя — и это меня такъ обрадовало! Я давно, очень давно не говорилъ ни съ кѣмъ такъ отъ сердца, какъ говорю сію минуту съ тобою. Вѣдь я не обманулся въ тебѣ?.."

Онъ заглянулъ мнѣ въ лицо съ простодушностью ребепка и улыбнулся.

Я пожалъ ему руку. У меня проступали на глазахъ слезы.

— "Завтра ты ѣдешь отсюда! Завтра... А тамъ?.. Когда на возвратномъ пути ты будешь здѣсь, зайди на мою могилу порадоваться успокоенію человека, который такъ много страдалъ въ жизни, потому что имѣлъ глупость быть искреннымъ и довѣрчивымъ, потому что, въ минуту забвенія, открылъ людямъ тайну своего сердца. Любовь была для меня благодатью; просвѣтленный ею, я полнѣе уразумѣлъ дивное величіе творенія, я сталъ молиться — и заплакалъ; вообрази, заплакалъ — послѣ того я уже не умѣлъ такъ плакать... А люди смѣялись надо мною... Виновать ли, что я не могъ любить, какъ любятъ они, отъ нечего дѣлать, чтобы веселѣе про-

весть время, влюбиться сегодня въ одну, а через мѣсяць позабыть ее для другой? Полюбя, я отдалъ ей полжизни — и безвозвратно; а они отнимали у меня ее такъ равнодушно, какъ игрушку изъ рукъ дитяти. "Поплачетъ, да и утѣшится!" — говорили они. Утѣшится! когда они отрывали отъ меня полжизни!.. Понимаютъ ли они, могутъ ли понять они, что значить *любить*? Они оскорбили это святое слово, придали ему пошлое, позорное значеніе, и еще стали требовать, чгобы всѣ понимали его — это слово — такъ, какъ понимаютъ они!.. Ее уже нѣтъ, бѣдной страдальицы; она любила не по-здѣшнему, и за это-то люди терзали ее. Изнемогая въ пыткѣ, она просила наконецъ у нихъ пощады, милосердія; но они не тронулись ея муками! Она любила не по-здѣшнему; и Онъ — источникъ вѣчной любви — Онъ пріобщилъ ее къ *Своимъ*! Онъ милосердъ: до Него дошли ея стенанія!.. А я еще живъ — и, несчастный, еще хочу жизни!.. Это очень странно! Какъ ты объ этомъ думаешь?.. Хочу жить... Ну, на что же мнѣ жизнь?.."

И онъ прошепталъ едва внятно:

— "Для того — а ты и не понялъ? — для то-

го, чтобы окончить мое созданіе!.. Тамъ я выставлю лучезарнаго ангела, сощедшаго на землю — окруженнаго толпою этихъ бродягъ, этихъ безумцевъ... Ангелъ въ кругу людей! — Понимаешь ли ты мою мысль? — И этотъ ангелъ"...

Онъ не произнесъ ничего болѣе, только сплился досказать еще что-то — и не могъ... Губы его шевелились, но звуковъ не было.

Голова его упала на ручку кресель. Онъ былъ безъ чувствъ...

На другой день я выѣхалъ изъ ***. Онъ провожалъ меня; казался спокойнѣе обыкновеннаго; ничего не говорилъ о вечерѣ, проведенномъ мною у него наканунѣ; дружески простился со мною и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ:

— "Я надѣюсь, что когда-нибудь и гдѣ-нибудь мы еще увидимся съ тобою".

Незадолго до моего отъѣзда, въ одной изъ *** скихъ гостиныхъ я съ жаромъ говорилъ о немъ. Я доказывалъ, что этотъ человѣкъ надѣленъ и проницательнымъ умомъ, и обширными свѣдѣніями, и глубоко-поэтической душою, что онъ непременно и скоро

проявить себя въ какомъ-нибудь замѣчательномъ созданіи, о которомъ онъ уже и намекалъ мнѣ. Когда я кончилъ рѣчь, какой-то господинъ, съ важнымъ видомъ и съ приличною для *случайнаго* человѣка неподвижностью, изволилъ протяжно произнести:

— Вы, я думаю, ошибаетесь насчетъ этого человѣка. Я видѣлъ его два раза и даже говорилъ съ нимъ. Онъ смѣшонъ и страненъ — но умышленно. У него есть какіе-то замыслы. Его бы слѣдовало отдать подъ надзоръ полиціи.

Вслѣдъ за этимъ какая-то дама, весьма сомнительной бѣлизны, изломанная кокетка, жалкая представительница нѣмецкой граціозности, живописно разѣвая ротъ и подкатывая глаза подъ лобъ, жеманно проговорила:

— Можетъ ли въ этомъ человѣкѣ быть хоть искра поэзіи? Онъ имѣетъ манеры *переднихъ*. Помилуйте, я не могу иначе представить себѣ поэта, какъ существомъ легкимъ, воздушнымъ...

Около года пробылъ я въ Италіи и во

Франціи и на возвратномъ пути въ Россію остановился въ ***, располагая пробить тамъ съ недѣлю. Мнѣ не отъ кого было слышать въ продолженіе этого времени о моемъ чудацкѣ, а участь его необыкновенно занимала меня. Вечеромъ, въ самый день моего прїѣзда, я отправился къ нему.

"Онъ, вѣрно, не перемѣнилъ квартиры, — думалъ я, — сегодня не даютъ никакой оперы, и потому можно застать его дома. Но отчего онъ не написалъ ко мнѣ ни строчки, обѣщаясь писать, и даже не отвѣчалъ на письмо мое? Ужъ не заболѣлъ ли послѣ моего отъѣзда? Кто знаетъ, кто придумаетъ, что можетъ случиться въ продолженіе цѣлаго года?"

Сердце у меня дрогнуло, когда я остановился у воротъ дома, гдѣ жилъ онъ, и увидѣлъ привратника.

— Что, 14-й номеръ занятъ? — спросилъ я его съ нѣкоторою разстановкою, не рѣшаясь прямо спросить: живетъ ли еще здѣсь *такой-то*?

Привратникъ посмотрѣлъ на меня, зѣвнулъ, потеръ себѣ подбородокъ и произнесъ, нехотя, со всею нѣмецкою флегмою:

— "Занять".

— А кѣмъ?

— "Господиномъ..."

Онъ назвалъ мнѣ какую-то незнакомую фамилію.

— Ну, а тотъ господинъ, что жилъ на этой квартирѣ съ годъ назадъ тому?

— "Съ годъ?... Сумасшедшій-то?.. Да онъ ужъ мѣсяцевъ съ восемь, какъ съѣхалъ отсюда".

— Куда? ты знаешь его адресъ?

— "Какъ не знать!.. Этотъ адресъ вѣрнѣе другихъ адресовъ. Вы тамъ его навѣрняка отыщете".

— Гдѣ же?

— "Версты съ три отсюда. На загородномъ кладбищѣ".

И онъ улыбнулся, довольный своею острою.

Я рѣшилъ не выѣзжать изъ *** до тѣхъ поръ, покуда не разузнаю подробно о смерти этого человѣка и не отыщу бумагъ, оставшихся послѣ него. Онъ мнѣ говорилъ, что хотѣлъ поручить кому-то свое сочиненіе, что оно будетъ непременно напечатано послѣ его смер-

ти, что у него есть родственники... Я пустился въ розыски, и черезъ нѣсколько дней отыскалъ дядю покойнаго, простаго добродушнаго старичка, который благодарилъ меня за участіе къ его сумасброду племяннику (такъ онъ называлъ его) и со слезами говорилъ мнѣ о немъ вотъ почти такъ:

— "Я, батюшка, я дядя ему по отцу. Покойникъ былъ (миръ праху его!) человекъ отличный; жаль, что умеръ рано; будь онъ живъ — истинно могу увѣрить васъ, не допустилъ бы до такой гибели сына. Такъ вотъ я и тетка его — ужъ точно что любили его, и совѣты подавали хорошіе, да не слушалъ. Говорили ему: служи, мѣсто можемъ тебѣ достать по *протекціи добрыхъ людей*, ты малый-то со способностями, *карьеръ* сдѣлать можешь, выкинь блажь изъ головы. Все было напрасно: началъ насъ чуждаться, влюбился въ какую-то бѣдную дѣвчонку: жениться, говорить, хочу! а самъ-то ничего не имѣлъ, ровно ничего... Мы, разумѣется, возстали противъ этого; а онъ какъ заговорить, такъ мы, признаюсь, ничего и не поняли, только съ тѣхъ поръ начали замѣчать разстройство въ умѣ

его... Вскорѣ послѣ того мать его, да, къ счастью, и эта дѣвочка умерли, и онъ ужъ насъ совсѣмъ бросилъ, но мы все-таки навѣдывались о немъ стороною. Имѣлъ честь слышать и о вашемъ знакомствѣ съ нимъ, и радовался этому; думалъ, что вы не наставите ли его на путь истинный. Видно было поздно!" И старикъ вздохнулъ.

— Но что было съ нимъ послѣ моего отъѣзда? — нетерпѣливо спросилъ я.

— "Послѣ вашего отъѣзда? Тутъ вскорѣ онъ и совсѣмъ рехнулся. Никогда ужъ рѣшительно не выходилъ изъ дома; даже не вставалъ почти съ дивана, знаете, что въ угольной-то комнаткѣ; все молчалъ и пре-странными глазами смотрѣлъ въ зеркало, которое висѣло передъ нимъ. Жаль было смотрѣть на него, сердце разрывалось. Бывало, зайдешь къ нему — и не замѣчаетъ, а все смотреть въ зеркало. Однажды я рѣшился спросить у него: зачѣмъ это онъ все туда смотреть? Какъ онъ на меня взглянетъ, вотъ еще и теперь пробѣгаетъ морозъ по кожѣ, только вспомню объ этомъ! какъ закричитъ: Тебѣ что за дѣло? Оставь меня въ покоѣ. Те-

перъ я счастливъ. Тамъ она! какъ она смотритъ на меня! Ангелъ небесный, не оставляй меня!.. — Съ мѣсяць продолжалось то же самое: онъ не сходилъ съ дивана и не спускалъ глазъ съ зеркала; силы его истощились совершенно. Ужъ хоть бы поскорѣе прекратились его страданія, думалъ я. Погибъ человекъ ни за что, а все праздность! Праздность" — повторилъ старикъ съ важностію, смотря на меня, качая головою и поднося къ носу щепотку табаку. — "Она сгубила его! Такъ прошло мѣсяца два, а ему лучше не было. Я къ доктору, моему старинному пріятелю. Какъ оставить бѣдняка совсѣмъ безъ помощи? Вѣдь ни ѣлъ, ни пилъ ничего. Докторъ, когда я ему рассказалъ подробно обо всемъ, сначала призадумался. — Дѣло, говоритъ, серьезное... У него, какъ я по словамъ вашимъ замѣчаю, не настоящее сумасшествіе, а суемудріе, или рагарhosyne по-нашему. — Эта слово я тутъ же и записалъ, потому что никогда не слыхалъ о такихъ болѣзняхъ. — Пособить, говоритъ, еще можно!.. — И вотъ что присовѣтовалъ. Намъ всѣмъ роднымъ его собраться вмѣстѣ къ нему и стараться

разувѣрить его, что въ зеркаль ничего нѣтъ, что ему такъ мерещится; въ случаѣ же, если это не поможетъ, увѣрить его, что въ зеркаль точно видна какая-то женщина, только совсѣмъ не красавица, какъ онъ говоритъ, а предупрная; если же ни то, ни другое не удастся, если онъ *не придетъ въ себя*, то дѣлать нечего: послѣднее средство къ спасенію — сумасшедшій домъ; тамъ, по крайней мѣрѣ, будетъ присмотръ за нимъ. — Докторъ человекъ умный: жену мою два раза спасъ отъ смерти, у ней были самыя сильныя нервическія горячки одна за другой, и я во всемъ безусловно вѣрилъ ему. — Все было сдѣлано, какъ говорилъ онъ. Въ назначенный день мы собрались къ нему всѣ, человекъ съ десять родныхъ. Докторъ присутствовалъ тутъ же. Больной нашъ сидѣлъ не двигаясь и все смотрѣлъ въ зеркало. Глаза его горѣли, онъ улыбался, и такъ пріятно, что я вамъ сказать не могу. Казалось, будто ему точно хорошо, будто онъ въ самомъ дѣлѣ счастливъ. Докторъ первый подошелъ къ нему и осторожно взялъ его за руку, а онъ нахмурилъ брови и затрясся — ну точно въ самой силь-

ной лихораждѣ.

— Что вы видите въ зеркалѣ? — спросилъ его докторъ самымъ деликатнымъ образомъ.

— "Ее!" — отвѣчалъ онъ, не отводя глазъ отъ зеркала. — "Ее! Вы хотѣли разлучить меня съ нею, презрѣнные! Вы клеветали на нее, позорили ее, черныя души! И клевета на нее, и позоря ее, вы забывали о страшномъ, послѣднемъ судѣ! А она со мною, всегда, весь день, каждый часъ, каждую минуту, свѣтла какъ утро первосозданнаго дня, невинна какъ Божій ангелъ! Съ какою любовью смотритъ на меня! Я никогда не былъ такъ счастливъ; ея душа въ такой гармоніи съ моей душою; онѣ, наши души, ведутъ такой разговоръ между собою и на такомъ языкѣ, который, если бы могъ быть слышимъ, никому бы не былъ доступенъ, никому..."

Божусь вамъ, эти слова его я какъ будто теперь слышу... У меня, надобно вамъ замѣтить, преплохая память, а эти слова, я и самъ не знаю почему, будто выучилъ ихъ наизусть...

— Позвольте замѣтить, — возразилъ докторъ, — что съ зеркалѣ ничего не видно,

кромѣ тусклаго отраженія васъ самихъ, потому что оно покрыто слоемъ пыли.

— Ничего, ничего не видно! — закричали мы всѣ въ одинъ голосъ.

Онъ захохоталъ, и могу васъ увѣрить, что даже на сценѣ такъ ужасно не хохочуть.

— "Безумцы! безумцы!" — закричалъ онъ. — "Разумѣется, вы ее не видите. Вамъ ли своими тѣлесными глазами видѣть духа? Только постомъ и молитвой, покаяніемъ и слезами, отчужденіемъ отъ всего земного доходитъ человѣкъ до прозрѣнія..."

Онъ и еще что-то наговорилъ въ этомъ родѣ, но уже я запомнилъ теперь.

Тогда докторъ подошелъ къ зеркалу, стеръ съ него платкомъ пыль и какъ будто началъ вглядываться.

— Нѣтъ, точно видно что-то, — говорилъ онъ: — да... жеищина; но въ ней ничего нѣтъ небеснаго: она даже нехороша и для простой земной женщины... посмотрите...

Онъ далъ намъ знакъ, и мы всѣ приблизились къ зеркалу.

— Какіе у нея дурные глаза! — сказалъ одинъ изъ насъ.

— Что за талія! — перебила другая. — Какая неловкая *поза!*

— Какъ толста и какія большія ноги! — закричалъ третій.

Словомъ, каждый изъ насъ замѣтилъ что-нибудь съ дурной стороны въ этой женщинѣ, которую мы будто бы видѣли. Въ продолженіе этихъ замѣчаній больной все разводилъ руками, точно раздвигая толпу; мнѣ показалось также, что глаза его совершенно помутились.

— "Прочь, безумцы!"

Онъ это не проговорилъ, а проплакалъ... Бѣдный, онъ насъ называлъ безумцами!

— "Прочь, святотатцы! прочь отъ нея!.. Зеркало тускнѣетъ отъ вашего дыханія... Отойдите, молю васъ, если жалость вамъ сколько-нибудь свойственна — отойдите... Заклинаю васъ именемъ всего святого..."

Мы отошли.

Онъ протянулъ свои изсохшія руки къ стеклу, застоналъ такъ, что мы всѣ заплакали, а женѣ моей сдѣлалось дурно, она пречувствительная. Въ этомъ стонѣ мы слышали только:

— "Что вы сдѣлали?.. Ее нѣтъ... Она скрылась..."

Докторъ шепнулъ мнѣ:

— Не бойтесь, это хорошо; онъ приходитъ въ себя; онъ уже не видитъ ничего въ зеркаль...

Но въ эту минуту больной приподнялся съ дивана, вытянулся во весь ростъ, схватилъ со стола мраморную дощечку, которая лежала сверху бумагъ — и съ усиліемъ бросилъ ее въ зеркало... Зеркало разлетѣлось въ кусочки по всей комнатѣ; а онъ, вотъ какъ будто теперь вижу это, онъ рухнулъ на полъ, бѣдняжка, и сталъ складывать на полу кусочки зеркала, и плакалъ какъ дитя... Вдругъ съ иимъ сдѣлались судороги, но черезъ двѣ-три минуты онъ уже не двигался и не дышалъ...

— Онъ въ обморокъ! — закричалъ кто-то изъ насъ — помогите ему, докторъ.

Докторъ долго и внимательно разсматривалъ его. Мы стояли, разинувъ рты, ожидая рѣшенія докторскаго. Докторъ оборотился къ намъ и сказалъ:

— Господа, намъ тутъ больше нечего дѣлать. Онъ умеръ.

Однако мы все еще думали, что онъ очнется. Прошло нѣсколько дней; нечего дѣлать, видимъ — въ самомъ дѣлѣ умеръ; и похоронили его съ приличною церемоніею, а потомъ, какъ добрые родственники, сложились и поставили надъ его могилою небольшой памятникъ. Сходите на кладбище, посмотрите: право, очень недурный памятникъ, и съ мѣднымъ крестомъ наверху. Жаль, право жаль его! Могъ бы быть человѣкомъ, да самъ не хотѣлъ..."

Когда старикъ кончилъ свой рассказъ, я спросилъ у него:

— А гдѣ бумаги покойнаго?

— "У меня, сударь, у меня. Тамъ есть описаніе его жизни. Я было разъ принялся читать, да тотчасъ же и бросилъ: такая путаница, что ничего не поймешь; видно, онъ уже былъ немного помѣшанъ, какъ началъ писать. Между этими бумагами нашли мы также какое-то большое сочиненіе въ стихахъ; но половина тетради была сожжена, а другую половину мы бросили".

— Не отдадите ли вы мнѣ всѣ оставшіяся послѣ него бумаги?

— "Отчего же нѣтъ? На что мнѣ онѣ! Съ большимъ удовольствіемъ отдамъ. Хоть чѣмъ-нибудь да помянете его..."

Въ день моего выѣзда изъ ***, я съ полчася провелъ на его могилѣ. Потомъ я нѣсколько разъ былъ въ ***, и всякій разъ заходилъ къ нему въ гости на кладбище..."

Разсказчикъ нашъ кончилъ. Минуть пять мы всѣ молчали. Уголья въ каминѣ потухли. Лампы были зажжены.

— И его бумаги у васъ? — спросили мы всѣ въ одинъ голосъ.

— Да. Въ нихъ, — отвѣчалъ онъ: я отыскалъ что-то похожее на дневникъ, и еще повѣсть — мучительную, подробную повѣсть его страдальческой жизни...

— Вы намъ когда-нибудь прочтете ее? — спросилъ хозяинъ дома. — Мы будемъ надѣяться.

— Можетъ быть, господа, — произнесъ онъ, задумываясь: — можетъ быть... и если я рѣшусь когда-нибудь вамъ прочесть ее, изъ этой страшной и истинной повѣсти вы яснѣе, гораздо яснѣе увидите, какъ добры люди, какъ они умѣютъ понимать благородство мыслей

и дѣль и сочувствовать душамъ возвышеннымъ! — Покуда останемся при одномъ вступленіи...